

1. ВВЕРХ ПО ТАРА-САЛЕ

Когда 6 августа я приземлилась в маленьком посёлке Батагай-Алыта, затерянном среди невысоких сопок, разреженной лиственничной тайги и открытых пространств тундры, стояла засуха. Где-то горела тайга, и даже с самолёта мы видели один очаг пожара со шлейфом дыма. Однако тонюсенькие нитки рек среди обширных галечников вселяли уверенность – подниматься вверх по низкой воде гораздо проще, чем в паводок.

Саккырыр – так называется аэропорт. И сам посёлок тоже имеет такое второе название на местном языке. В переводе звучит примерно как – «много ручьёв». Люди здесь говорят на якутском, но русский тоже знают и могут говорить на русском. Якуты, звены – такой основной национальный состав посёлка. В самолёте все везли яйца – этот товар в местные магазины трудно завезти. Цены в магазине узнать не успела – все продукты на путешествие уже везла с собой. Вес рюкзака в общей сложности составлял у меня около 34 кг. В магазине купила только баллончик газа – обычный, «дихлофосный». Что там будет под перевалом? Будут ли дрова?

Немного надеялась на то, что кому-то в посёлке, возможно, понадобится подниматься по реке вверх – на рыбалку или в оленеводческую бригаду. Поспрашивала местных жителей, но никто не собирался и все направляли меня в администрацию.

Всё-таки мне несказанно везёт! Только подошла к указанному дому, как из при-

парковавшейся машины вышел мужчина в костюме. Как оказалось – это был сам глава администрации Гаврил Гаврилович Горохов. Радушный, простой в общении человек – мы быстро нашли с ним общий язык.

– А! Экстремалы! – сразу дал он мне определение. – Знаю. Были здесь весной, на лыжах, до Тикси прошли. Экстремалы!

Выслушав план моего маршрута, Гаврил Гаврилович на удивление не стал страшить меня, а, наоборот, успокоил:

– Медведи у нас тут не злые, мирные. Плохих случаев не было. Сейчас ягоды много.

Глава администрации связался с кем-то несколько раз по телефону, выяснял, где кто может быть по моему маршруту и сообщил, что в верховья Тара-Сале скорее всего прикочуют оленеводы.

– Мимо не пройдёшь, увидишь!

Ещё я узнала, что на соседних с озером Лыбалах озёрах живут люди – охотник и семейная пара глухонемых, причём девушка – не из здешних мест, а из-под Тулы родом, а парень – местный. Очень удивилась. Такое место недоступное и – люди! И ещё такие необычные! Интересно. Раньше как раз не собиралась на соседние озёра – туда лишний крюк, да и название озера – Мерети – совсем не вызывало радости. Теперь мне, конечно, захотелось попасть и туда.

Гаврил Гаврилыч пригласил меня в гости пообедать и даже предлагал остаться ночевать, но я стремилась на речку, и он попросил брата подвезти меня туда на машине.

– Да я и сам пошёл бы сейчас путешествовать, – мечтательно признался Гаврил Гаврилыч. – Но дел много.

А потом ещё сказал мне, что вообще-то у него уже 9 лет не ломалась машина. А тут сломалась, и ему пришлось вернуться в администрацию. Так мы случайно и встретились...

До реки 6 километров по грунтовой дороге. (Раньше, пока её не проложили, два дня до реки добирались, как сообщил мне брат.) А дальше дорог нет, только если пойдёт машина высокой проходимости прямо по галечникам, сухим протокам, по руслу речки. И моторка по низкой воде в верховья не пройдёт. Только на водомёте можно добраться.

И вот я сижу на берегу Улахан-Саккырыра. Мерно, ласково шумит, убаюкивая, речка. Легонько стрекочут кузнечики. Покрикивают редкие чайки. А как выходит солнышко из редких кучевых облачков – просто припекает. Лето! Запах знойной хвои, ванильный аромат ив. Какое Заполярье? Тепло. Безветренно! Курорт!

Лишь первая редкая желтизна хвои немного отрезвляет – скоро осень...

Как предсказывал Гаврил Гаврилович – там, вверху, по погоде у меня будет теплее – тёплый воздух здесь поднимается по долинам вверх. А как перевалю – там будет ещё теплее – потому что от реки Лены, такой большой, тянет теплом. Но с середины сентября уже могут наступить серьёзные холода.

Вот так, здесь всё наоборот – в высоких горах может быть теплее, чем внизу!

Не ведала я, что это был очень редкий солнечный день. Дальше в течение всего подъёма к горам солнце очень-очень часто было затянато дымкой. Временами это была такая завеса, что солнце было зловеще-красное, казалось, что это просто какое-то затмение. Всё это – результат пожаров, которые бушевали и с этой стороны хребта, и за хребтом. Пахло гарью –

не сильно, но чувствовалось. В природе стояло безветрие, за исключением, может, пары дней, когда тянул ветерок. И эта дымка вкупе с туманом временами полностью скрывала горы.

В самом начале навстречу мне попался мужик на квадроцикле – такой способ передвижения здесь имеет место быть. И, конечно же, неперемные два вопроса – есть что-нибудь от медведей? И – как буду переправляться через реку? После ответов: от медведей – петарды, для переправы – есть лодка в рюкзаке, мужик удовлетворённо кивнул, пожелал удачи, и мы расстались.

Тара-Сала (или Тарын-Сала, как называют эту реку местные) – это правый приток Улахан-Саккырыра (или Тумара в верховьях), и мне предстояло переправиться на другой берег реки, чтобы продолжать путь дальше по Тара-Сале к горам.

Первые дни шла всё время одним левым (орографически) берегом – вброд реку пока было не перейти. Вдоль берега тянулся лес – лиственный. Местами – ивовые кусты в протоках и вдоль низких берегов. Крутые берега были редкими, и сначала везде вдоль берега шла тропа – здесь на вольном выпасе бродят лошади. Часто видны следы их копыт. Дальше река стала часто делиться на протоки, долина её расширилась, и я шла по обширным голым галечникам.

Кажется, что иду по равнине. Горы где-то вдаль, на горизонте. Но всё-таки они приближаются, хоть и постепенно. Иногда, когда вылезешь на откос, облезая скальный прижим, открываются дальние дали. На высоком берегу мне попала даже накатанная дорожка, кажется – можно идти по ней. Но дорожка – старая. Вездеходный след скоро заводит в болото, уводит от реки. Возможно – это зимники. Не стоит поддаваться их кажущейся надёжности.

Отрывок из дневника: **«9 августа.** Ночью к моей палатке подошёл табун лошадей.

Сначала услышала треск, шаги и подумала – медведь. Сказала ему, чтобы он меня не тревожил. А это оказались лошади. Ржали, испуганно всхрапывали, обнаруживая мою палатку. Интересно, они её не растопчут ненароком? Но нет, лошади мирные и понятливые. Вот это да! Спала аж до 11-ти! Тепло, но вылезать на улицу зябко. Моросит дождь. Капельки на лиственницах, тент мокрый. Низкая облачность. Но пока неспешно завтракаю, облака поднимаются, перемещаются. Появляются склоны сопок».

Накануне я перешла протоки Улахан-Саккырыра вброд, не используя лодки. Надо же! Казалось, что по расходу Тарасале больше, чем Улахан-Саккырыр, хотя считается её притоком.

Теперь моя речка стала заметна уже, идёт одним руслом в обрамлении высоких берегов, поросших живописным лиственничным лесом. Но продвижение вверх всё равно идёт как-то не быстро. Приходится повторять все изгибы русла реки. Срезать петли, даже небольшие – это сразу попадаешь в лиственничные мари. Заболоченности, кочки – в общем, лишь вдоль коренного берега можно найти более-менее плотную тропку. Либо путь лежит просто по гальке. По кромке воды. По сухим протокам, часто заросшим ивами. Однако среди этих ив можно пробираться довольно легко. И здесь тоже ходят лошади, их тропы петляют среди ивняков.

А вскоре начались постоянные броды. На пределе болотников. И то не везде. И иногда выбираю не самый оптимальный берег для передвижения, когда брод слишком глубок.

Отрывок из дневника: «**11 августа**. Оказывается, можно намочить карту – и ничего! Она немного расползается, но очертания, повороты реки – сохранились! Сушу её, достав из пакета. У костра и на солнышке. Солнышко! Сегодня оно светит. Но через дымку. Нет, здесь точно становишься

зыбучницей, здесь нельзя не верить в дары богам – оладушкам-солнышкам, что выкладываются на приметном сердцу месте или скармливаются костру.

Костёр разводить бывает трудно просто потому, что быстро выжигается окрестный кислород и спичка над углями мгновенно тухнет. А так – рай! Не надо охотиться за дровами. Можно расслаблено сидеть у костра – не сильно дует, не холодно. Не досаждают насекомые. Мирно журчит речка».

Пыталась ловить рыбу в местах сужений, на глубине, под скалами – рыба не ловилась.

Река вдруг резко вышла из лесов на каменистые просторы. Теперь она не петляет так сильно, как раньше, часто разбивается на протоки, долина её распахнулась, много сухих галечных русел. Идти легко, но монотонно, нет разнообразия. Камни. Камни. Ширь долины. Далёкая кромка леса по краям. И небо в дымке. Не везде найдёшь подходящую стоянку – чтоб и у воды, и не на голом или слегка поросшем ивами галечнике. Да и лес, издали кажущийся гостеприимным, вблизи оказывается с вывороченными корягами, с заломами кустов – здесь тоже хозяйничала когда-то в паводок вода.

Стараюсь находить такое место, чтобы ещё с него был обзор, чтобы оно было не в зарослях – это всё антимедвежий предосторожности.

Отрывок из дневника: «**13 августа**. Слышала, как пролетел самолёт. Неделя, как я на маршруте. Стою на отличном ивовом редколесье. Дров – навалом. С 2-х сторон – протоки. С одной стороны сухая, с другой – шумит река. Вечером перед местом стоянки видела развороченные розетки зонтичных. Медведь кормился».

Медведя встретила за время подъёма всего один раз, и то увидела его издали с реки над откосом, заметив лишь, как он убегает от меня.

Разнообразия в пути – это наледи. Тарын – так и называется наледь по-якутски. На реке я встретила три наледи, но две из них почти растаяли. Когда ночевала у нижней наледи, ночью временами раздавались пушечные взрывы – куски наледи оттаивали и отламывались с жутким треском. По моей протоке проплывали льдинки. Сначала они с мелодичным звуком пробивались в ледяном тоннеле под толщей льда, а потом появлялись на поверхности воды.

Река Тара-Сала называется в честь самой верхней наледи – она грандиозна. В этом месте долина совсем распахнулась. Уже на подходе к наледи пропали высокие деревья. Ночевала у последней, как мне казалось в тот момент, высокой ивы – дальше, за туманом и дымкой, ничего не было видно. Широкое голое каменистое русло, обрамлённое ступенчато уходящими вдаль горами. Чёрточки деревьев на склонах – но это на склонах.

И вот это всё пространство впереди – в сплошном снегу. Непонятно даже сначала, есть ли в этой наледи проход? А вдруг река не до конца промыла эту наледь, вдруг где-то поток уходит под лёд? Над пластом льда нависает дымка, холодно и как-то зловеще – склоны, что стискивают ложе реки, круто поднимаются прямо от поверхности снега. И они как-то далеко, и как-то неуютно, хотя разумом понимаешь – уже конец лета, стояла жара – не может быть не промытым проход в наледи полностью. Проход должен быть. Но снизу его не видно, захожу на наледь, в начале она пологим языком лежит на камнях. Опять же разумом убеждаю себя, что бездна не может провалиться у меня под ногами. Иду по бугристому простору зернистого льда, скользко, и вот передо мной – обрыв в русло! Здесь ещё пока не так высоко, толщина льда – метра полтора, оставляю рюкзак и спускаюсь по руслу-промоине маленького ручейка, что течёт с наледи.

А дальше! Ух! Красота! Высота льда достигает где-то трёх и выше метров. Разведка показала, что проход есть! Возвращаясь за рюкзаком.

Выше наледи, вопреки моим опасениям, снова начались полосы деревьев, ивовых кустов. Горы подступили, они рядом! Но также в неясном очертании из-за дымки. Здесь, наверху, мне стали чаще попадаться следы оленеводов. Вот – старая стоянка, кучи отпиленных рогов. Но все следы оленей, что попадают мне, – идут навстречу. Это означает лишь одно – оленеводы скочевали вниз и ушли в какую-нибудь боковую долину. Мне их не встретить.

Здесь, вверху, за полосами кустов у приречной гальки началось царство настоящей тундры – тут и присущие ей кустарнички, травы, лишайники – отличные высокогорные пастбища. И идти по тундре гораздо приятнее, чем по камням – мягко и в меру плотно.

Намечаю пройти в этот день до притока – ручья Дуомах. От этой точки недалеко и до одноимённой вершины – высшей точки Верхоянского хребта, и до подходов к перевалу на Соболах-Маян. В начале у меня были участки, когда я проходила лишь по 7–8 км в день, здесь же, в верховьях, можно разогнаться и до 20 км.

В итоге, путь до подхода к перевалу, путь до высоких гор длиной примерно в 120 километров мне удалось пройти за 8 с небольшим дней – в день прилёта я прошла совсем немного. Так медленно и незаметно я набрала 500 метров по вертикали и оказалась на высоте чуть выше 1000 метров в окружении грандиозных осыпных гор под 2 тысячи метров высотой.

2. В ГОСТЯХ У ОЛЕНЕВодов

На подходах к перевалу, к намеченной точке стоянки я вдруг заметила на склоне горы, на противоположном борту долины,

россыпь точек. Они двигались. Это было стадо оленей! Значит, оленеводы ещё не ушли из этих мест!

На радостях я рванула прямо к стаду, от которого меня отделяла широкое тундровое пространство, полоса приречных кустов и само русло реки. Пастухи ехали за стадом верхом. Кто на лошади, кто на олене, и стадо перемещалось быстро. Не догнать – думала я. Стадо неотвратно стекало вниз по долине. Ладно, наверное, встречу где-то их базовую стоянку.

И надо же так сложиться обстоятельствам – их стоянка оказалась совсем недалеко впереди. Как раз в том месте, где я наметила свою стоянку для восхождения. Вот это везение!

И пока я подходила к палаткам, раскинувшимся на открытой тундровой террасе у последней полоски кустарника, как с низа долины сюда же многоголовой лавиной стало подтекать оленьё стадо. И вот я снова в окружении перезвона-перестука, характерного шуршания оленьих ног, рогов, в звуках переключки-хорканья стада.

К стоянке подходили, ведя в поводу лошадей, пастухи. Лошади позванивали колокольчиками. И я как будто вливалась в эту атмосферу жизни и быта местных жителей.

Меня приглашают в палатку. Мы знакомимся – это оленеводческая бригада Романа. Здесь 11 человек. Пастухи, ветеринар, женщины-хозяйки и дети-помощники. Старшие женщины здесь больше по хозяйству.

Зоя – родственница Романа – главная хозяйка стойбища. Она очень радушно встречает меня, потчует как званого гостя и даже, заметив моё смущение, в следующий раз накладывает мне еду в отдельную тарелку (обычно здесь могут есть из общей большой сковороды). Все говорят на якутском языке, хотя по национальности здесь все смешались – и якуты, и эвены. Но эвенский язык – уже мёртвый язык,

по крайней мере, в здешних краях. Даже местный журнал про охоту и рыбалку – «Байанай» – выходит с текстом наполовину на русском, наполовину – на якутском. Со мной, конечно, говорят по-русски. Его все знают.

Зоя – потомственная оленеводка. Здесь испокон веков были угодя её семьи. Её мама кочевала тут ещё на оленях. Позже для кочёвки стали использовать и лошадей. Теперь в бригаде есть ещё и машина Газ-66. Удивляюсь, что она без номеров. Но до посёлка она и не доезжает – нужна для переездов здесь, в тундре. Для перекочёвок используют и оленей. Их дрессируют, выбирают для этих целей только здоровых, выносливых самцов – хоров.

В бригаде работает младшая дочь Зои – Гудьё, в переводе – любимая. Она лихо управляет лошадью, следит за стадом. Исполняет и женские обязанности – моет посуду, например.

Алгысу 11 лет, он пойдёт в пятый класс. Отлично управляет лошадью. Помогает пастухам держать стадо, бегает за водой. На вопрос – какой у тебя любимый предмет, уверенно ответил: «Физкультура!»

Кюнней здесь живёт с бабушкой Леной. Кюнней, в переводе – солнечная, – самая любознательная. Активная. Всё время разговаривает со мной, спрашивает, рассказывает. Русский язык она узнаёт во время просмотра мультфильмов. Не все её слова мне понятны, но общий язык мы нашли. Кюнней 4 с половиной года и она кочует вместе со всеми по тундре и тайге уже давно, с младенчества, где-то с полугода.

Здесь, рядом с палатками, на склоне прокопана ниша и выложена печь – в ней пекут хлеб в формах. Лепёшки – их печь дольше, поэтому в основном делают хлеб. Ещё Лена пекла для меня оладушки. А так на столе – мясо, рис, масло, молоко, хлеб. Меня угощают морсом из местной ягоды – по-эвенски – лоуле. Ягоды похожи на дикий виноград, а вкусом напоминают смороди-

ну. Для нового едока тут же выкладывают маленькую деревянную дощечку – на ней удобно резать мясо на кусочки.

Ветеринар Айдын недавно в бригаде, но уже освоил верховую езду на олене. В обязанности ветеринара входит прививать оленей от оводов, лечить разнообразные раны. Да и пасти оленей он тоже помогает.

На стоянке – 4 больших палатки. Они сшиты из брезента, а сверху, для большей надёжности, накрыты ПВХ – материалом, от старых рекламных баннеров. Только палатка – баня не накрыта сверху усилением. Во всех палатках – печки, и топятся они лиственничными дровами, привезёнными снизу. Здесь, в верховьях, – только ивы, на их ветках и готовят на костре. Но могут положить в костёр и лиственничные поленья. Мой газовый баллончик оказывается здесь совсем не нужным.

Антенна для связи – обязательный атрибут стоянки. Связь по рации с соседними бригадами – 4 раза в день.

Есть здесь, конечно, и движок, и вечером он включается на некоторое время, и все смотрят фильмы на ноутбуке в общей палатке. Для меня даже специально поставили фильм про Амундсена. А раньше, пока не сломался, здесь даже телевизор был! Палатка изнутри освещается лентой со светодиодными лампочками. У каждого своя постель – и шкуры, и одеяла вдоль стены, а женский уголок, на небольшом диване, отделён занавеской.

Здесь в Верхоянье не такие обширные пастбища для оленей, как, например, на Чукотке. И стадо не перегоняется с места на место слишком часто. На одном месте бригада может стоять больше недели, а стадо несколько раз гоняют вокруг недалеко, возвращая каждый раз обратно. Сейчас ещё оленей сильно беспокоит овод, и они не могут нормально кормиться. Только к вечеру, когда становится прохладнее, оленей прогоняют по кругу по окрестным

склонам сопок или на водопой. А так они сбиваются в кучу плотным стадом стоят рядом, трясут головами. Кажется, что они сгоняют с себя летающих насекомых-кровососов. Но не так уж много их здесь сейчас. На самом деле животные пытаются избавиться от подкожных личинок оводаносоглота. Именно они причиняют оленям больше всего беспокойства.

Когда стадо рядом, Зоя раз в день доит прирученных важенок. Молока от каждой – совсем немного, меньше стакана, но если добавлять в чай – на бригаду на день хватает. Чай с молоком – это традиционный напиток здесь, в Якутии. Молоко, однако, – настоящие сливки! Жирность оленьего молока, как сказала Зоя, 8 процентов. Но мне показалось, что больше.

Отдохнув денёк, я отправилась на восхождение на гору Дуоммах. Доммак – называют её оленеводы. В переводе означает – «седло шамана». Гора пользуется у пастухов недоброй славой. По их словам, никто ещё не смог на неё взойти, хотя и пытались. А прибывшие как-то сюда туристы, специально для восхождения, – тоже не поднялись. А один даже сломал ногу. Поэтому моё легко высказанное заявление, что собираюсь завтра взойти на гору, встречают настороженно.

Над горами висит дымка. Видимость плохая. Но в целом погода хорошая. Принимаю, что ждать улучшения погоды здесь можно неделями. Поэтому ухожу в мглистый туман. До вершины – 12 км. Наметила путь подъёма по ручью. Когда смотришь на карту – и не скажешь, что можно ожидать каких-либо трудностей на подходе. Другое дело – ближе к вершине. Там горизонтالي идут часто и, наверное, может быть круто. Но я заверила и людей, и себя, что на опасный склон не полезу. На вершине, однако, стоит тригипункт, значит – залезали же люди!

Ручей Дуомах у впадения в Тара-Сале – совсем высохший, иду по широкому шлей-

фу вынесенных им галечников. И только через пару-тройку километров в ручье появляется вода. Надо же! И чем выше, тем воды в русле становится больше. А я непредусмотрительно не взяла сапоги. И сначала даже разуваюсь, чтобы оставить сухими ботинки для восхождения. Ладно, наверное, у развилки, где один из истоков ручья уйдёт в узкий распадок, воды станет меньше.

Ничего подобного! Воды меньше не стало, мне приходится часто переходить ручей вброд – ущелье стало узким. Меня обступили крутые склоны стискивающих его гор, часто с выходами скал. Что же делать, приходится приносить в жертву сухие ботинки и штаны. Что я, не рогейнер, что ли? – успокаиваю себя. – С мокрыми ногами, что ли, не бегала?

Однако броды так часты, что ноги не успевают согреться в промежутках между ними. Постепенно холодает, высота прибавляется. Стоянка оленеводов расположена на высоте примерно 1100, вершина – на 2409.

И вот начались снежники, полностью перекрывающие русло и всё ложе ручья от одного борта до другого. Сначала мне даже показалось, что сейчас-то пойдёт легко – дальше будет ровный снег! Однако это был не тот снег, что зимой лежал в ущелье на этом ручье – это были локальные конусы выноса лавин из крутых боковых кулуаров, слой снега тут был очень толстый и спрессованный, плотный. Надо было залезать на эту толщу, а потом спускаться с неё. Всё это напоминало заход на ледник и спуск с него.

Вода пробилась под толщей снега проходом и местами на снежнике сверху зияют зловещие провалы. Ледяная толща обрывалась круто, и в одном месте, чтобы спуститься, мне даже пришлось ковырять ступени ножом – благо, такая практика мне уже была знакома.

Два таких затора я преодолела, но третий снежник обрывался в русло отвесом.

Мне даже страшно было подойти к его краю. Тут по-хорошему нужно было навешивать верёвку. Тоскливо осмотрела окружающие меня склоны – осыпи были слишком круты. Нет, тут не облезешь. Спускаюсь обратно на ручей, заглядываю в ледяную арку – тоннель подо льдом, пробитый ручьём – там водопадик, тоннель сужается, глыбы битого льда лежат под ним – нет, это точно опасный номер соваться под этот свод и ползти под струями воды в узкую щель-колодец.

Всё это ещё усугублялось рёвом воды, мрачностью дымки-тумана, что впереди – не просматривалось. Принимаю решение возвращаться.

Узкое глубокое ущелье не давало широкого угла обзора. Похоже, я даже так и не увидела Гору...

Да, можно было бы задержаться тут ещё на несколько дней, разведать другие пути подхода. Возможно, на вершину проще подняться с одного из гребней. Кто знает... Но сейчас тут не было видимости, и оставаться в этом мрачном царстве как-то не хотелось. С радостью выхожу из теснины на простор широкой долины и дальше, скорее – к ивам, к краскам тундры, к людям.

Вышло так, что как раз на следующий день часть бригады собралась кочевать через перевал до места, где у них была изгородь – её нужно было отремонтировать, прежде чем перегонять туда стадо.

Зоя сообщила мне, что пастухи готовы взять и меня на лошади. Я очень обрадовалась. В душе я мечтала посмотреть, как кочуют оленеводы, хоть немного поучаствовать в процессе. И вообще, прокатиться на лошади.

Три лошади привязали друг за другом – к хвостам и уздечке. Впереди верхом ехал Николай, потом я и за мной – лошадь с моим рюкзаком. Лошади здесь, можно сказать, полудикие – они не подкованные, корма для них заготавливать не надо, они могут прокормиться сами.

Ещё в нашем караване был Айдын с оленьей упряжкой. А сам ехал верхом на олене. Оленя седлают не как лошадь – седло кладут ближе к шее, на горбу. Удивительно, как быстро перемещаются нарты и по тундровым лужайкам, и даже просто по голым камням! Вообще олени более выносливые и более проходимые, чем лошади. Не со всяким конём можно переплыть через реку, сидя в седле, а на олене – пожалуйста.

На перевале – широком тундровом водоразделе, по традиции мы оставили приношения богам и вскоре спустились в ложе ручья за перевалом. На крутом спуске нарты пришлось страховать сверху на верёвке, притормаживать. А упряжка оленей, которую тянул Николай, напрямую скользила по склону, выбивая шлейф пыли из сползающей вниз с ними груды камней.

Пейзаж резко сменился – тундра, такая радостная, живая сменилась царством камней. Из бокового распада с отвесными скалами вытекал ручей. Это и было начало Соболах-Маяна, реки, по которой отсюда – 400 км до Лены. Здесь, в верхнем течении, Соболах-Маян называется ещё Собопол.

Ложе реки здесь плоской широкой лентой тянется по долине, и с боков его крутыми склонами стискивают горы, поросшие снизу лиственницами. Вода то появлялась в ручье, то пропадала. Мы шли каменистыми протоками, а иногда заезжали на сохранившиеся, не смытые паводком участки пологого берега. Здесь было очень приятно лавировать среди кустов и деревьев, временами нагибаясь под ветками, а на полянках-лужайках иногда можно было разгоняться рысью.

Как рассказали мне оленеводы, в прошлом году тоже было засушливое лето, и двое туристов-немцев, которые прошли на сплав через перевал, через некоторое время даже вернулись назад, потому что воды в реке долго не было. А трое немцев,

что были в 2017-м году, начали сплав как раз от места, куда мы пришли чинить изгородь.

Километрах в пятнадцати от перевала, на террасе коренного берега с хорошим лиственничным лесом стояла изба. Лабаз на столбе, запасы дров. Здесь же через всю долину тянулась изгородь, на реке она была разрушена. Воды в протоках почти не было. О сплаве отсюда не могло быть и речи.

Тихий, безветренный вечер, стена гор, закат сквозь дымку. Звон колокольчиков лошадей. Ужин в тёплой избушке – идиллия таёжной жизни.

На следующий день, получив в дорогу драгоценный подарок, – целую буханку хлеба (!), я отправилась вниз по реке, искать воду для начала сплава.

3. СПЛАВ

Сплав по якутской реке Соболах-Маян (или Собопол, как она называется в верховьях) я начала 19 августа. Вовсю давала себя знать осень – на старых сухих протоках, обширных галечниках жёлтыми пятнами резко выделялись кроны ив. Только лиственницы пожелтели ещё не все. И днём по-прежнему было тепло, хотелось раздеться до футболки, и сплав я начала даже не в гидроштанах, а просто в болотниках. Хотя было понятно, что из лодки на проводку выскакивать придётся очень часто. А процесс этот всегда сопровождается большим количеством брызг.

Вода в достаточном для сплава количестве появилась лишь у впадения притока Ингори, что примерно в 25 километрах от перевала. С утра я шла в надежде, что вот-вот смогу начать сплаваться, и затянула со временем обеда, так как вода всё не начиналась, а отобедать хотелось непременно в начале сплава.

Ну и ладно! Можно начать сплав и завтра.

Широкое ложе реки всё в камнях, выбираешь курс на уголок леса, островок высоких ив и режешь к нему напрямую по сухой гальке, не приближаясь к петляющим ручейкам русла. И только я остановилась в красивом месте на обед и пошла по галечнику зачерпнуть воды к руслу реки, как мне встретился вполне себе сплавной поток! Решила рискнуть и начать сплав здесь, потому как тащить рюкзак за плечами мне уже надоело. Дело в том, что вода в русле появлялась, как только долина реки сужалась или начинался участок более крутого падения. А так, на участках расширения долины, на плоских разливах – многочисленные протоки разбегались по всей ширине ложа, были сухими, либо маловодными. Ладно, буду местами проводить лодку на верёвке, ничего.

Начало сплава.

Быстро надуваю свой пак-каяк. И вот за пореком, где лодка садилась на камешки, – глубокий плёс. Пусть не длинный, но есть глубина! И даже тень рыб мелькнула под моим каяком. Вылезаю и с берега выуживаю пятерых хариусов. Достаточно, подумалось мне. Ещё наловлю дальше по мере надобности. Рано пока делать запасы. И в этот вечер сплава, хотя и плыла я не больше, чем тащила лодку по мелякам, я отпраздновала начало сплава жареной рыбой.

На следующий день, не успела пару раз сесть в лодку, прогresti несколько сот метров – вода вдруг пропала. Не то, что стало мелко, она пропала совсем! Речка разошлась на протоки и ушла под гальку. От начала вчерашнего сплава – всего два километра.

Дальше километра три я тащила вниз сначала груз, потом лодку, благо, что не было ветра и лодку не разворачивало во время переноски. Немного непривычно было идти по дну сухого русла, это была не старая сухая протока, из которой вода ушла в новую, а именно широкое сухое

русло, где ещё недавно текла вода. С хорошевыми берегами не осыпавшимися каменными берегами. Шла и ловила себя на мысли, что может быть увижу сейчас золото, намытое рекой и осевшее в трещинах каменного дна.

Сужение долины – снова есть вода! Вскоре даже начались пороги – но по маломощности они были не страшными. Другое дело – русло было забито камнями и можно было пробить днище лодки. Поэтому часть порожков я проводила лодку на верёвке.

После обеда на реке пошли частые горки. Это началось после поворота реки на юг, там, где с запада к реке подходит распад от верховьев реки Куолланды. Падение реки на этом участке чуть меньше 10 м на километр, вполне себе ничего! Шиверы, перекаты следовали один за другим, на узких сливах временами в лодку плескало. Но – мало воды, нет мощи. Не сравнить эту реку с Нитканом или Делькю-Охотской – реками с соседнего хребта Сунтар-Хаята – там течение побыстрее!

Однако встречались участки довольно протяжённых шивер, где надо было лавировать. Много камней торчало из воды, много было и подводных. Нужно было постоянно уворачиваться от камней, но слалом не всегда удавался – слишком часта была их россыпь.

Не так просто найти хорошую стоянку – то сплошные галечники, то бугристые, замшелые берега под пологом лиственниц на коренных террасах. Я уже подыскивала стоянку часа полтора, отвергая одно место за другим, но тут длинная шивера совсем вымотала меня. Дальше идти уже просто не было сил, и скоро должно было начать смеркаться. Пришлось вставать на старой протоке, хоть и среди лиственниц, но на песке, запорошенном слоем лиственничной хвои.

Сидишь в каяке – вроде. не холодно. А вылезаешь на берег – ноги не гнутся,

сплотыкаюсь на камнях, руки с трудом спичку зажигают – однако как-то незаметно оцепенение охватывает организм.

Ровно, много дров – целый навал от плавника, но немного тяготит мысль, что при паводке здесь может подняться вода. Ладно! Не совсем же в низине стою. Это как же она должна подняться, чтоб затопить меня – метра на два-три. Не должно...

За день прошла всего около двенадцати километров... Как же медленно я иду! К вечеру, как устанешь, начинают появляться мысли о том, что не успею до зимы. Что после долгой жары и засухи нагрет непогода и встречный ветер. Ничего, успокаиваю себя, ведь сегодня почти полдня я перетаскивала груз по сухому руслу.

Со склона напротив часто сыпались камешки. Мне, как обычно, мерещились медведи. Хотя, скорее, это могли быть бараны.

21 августа. Солнце всё так же в дымке. В этот день, по прогнозу от оленеводов – ухудшение погоды, и, действительно, с утра закапал дождик, снизу напознала густая облачность. Начинаю сплав под каплями. Но к полудню облака постепенно поднялись.

Река здесь текла со средним уклоном 7, 5 м на километр, вполне спортивно. Было много разных горок. Где-то проходила, где-то проводила лодку на верёвке. Не всегда с воды видно, что за сливом. Вылезаю – увижу – страшно! – провожу. Несколько горок уверенно прошла с ходу, мощь, конечно, не большая. Но я боюсь камней – они везде. И бывают даже в мощных сливах, где, казалось бы, поток должен всё смыть.

Запомнился один порожек на повороте реки, под скалой. Тут если причалишь для просмотра, трудно потом снова выгрести на струю. Проводить – лень, проводка неудобная. Можно рискнуть – захожу в порог с ходу, огромные обливные камни, за ними – прямо настоящие небольшие бочки – струи с обратным валом. Заставляют меня шевелиться, лавировать, от-

гребать. Хорошо всё обошла, и наконец-то появилась кураж, уверенность в себе. Тут и погода пошла на улучшение.

На дне каяка у меня проложена пена – коврик, на котором я ещё и сплю, но всё равно – всячески берегу свою лодочку. Часто на мелких перекатах опираюсь на баллоны руками, как бы привстаю в лодке, чтобы разгрузить днище, равномерно распределить вес. Чтобы меньше корябаться об камни.

Плывёшь, отгребашь, рулишь, вроде всё высматриваешь, и частенько неожиданно получаешь пинок под пятую точку – и сердце замирает – как бы не лопнули баллоны! Но в результате я посадила всего пару дырок на днище. Лодка держит!

На реке чередой – быстроток, сужение, слив. Или гремит пережат впереди с крутым падением и мелью на перегибе. Интересно, как же здесь в высокую воду? Наверное, сливы сглаживаются. Здесь сейчас мне нужно идти в самые большие валы, там большая вероятность, что есть проходы между камнями, что там глубже. Сплав пошёл отличный, уже почти не приходится вылезать из лодки.

Постепенно на речке становится всё меньше и меньше участков крутого падения, я всё реже отливаю воду из лодки, которая набирается от захлестывания в неё валов. И как-то незаметно к обеду дохожу до притока Серге и Кютюра – это же 17 км слава за полдня! Дело пошло! Неужели, сегодня дойду до места, откуда лежит мой путь на Лыбалах?!

Недалеко перед Кютюром на реке был и первый участок разбоев русла в широкой долине, где вдоль берегов начались нагромождения наваленных брёвен – плавника – первые признаки перехода горной речки в более-менее горно-равнинно-таёжную.

В чозениевом лесу очень быстро готовится обед – сухие дрова повсюду, легко зажигаются.

Горки с крутым падением дальше ещё встречались, но всё чаще и чаще следуют участки, где хочется воскликнуть – вот это сплав, вот это здорово! Вот это я понимаю – речка! Это когда просто течение несёт тебя быстро среди берегов, нет сужений, падений. Нет мелей, просто несёшься и не беспокоишься за то, что пропорешь лодку, въедешь в завал. Просто плывёшь и наслаждаешься жизнью, струишься по несложным перекатам. Жалко, что такие участки недолго продолжаются на реках...

Я успела к намеченному месту до темноты. И к вечеру перед моим причалом вышло солнце. Мимолётно оно полосой осветило склоны гор той долины, куда предстоял мой дальнейший путь, как будто благословляя на этот путь. И я увидела кусочек сини на небе, впервые за много пасмурных дней – счастье!

Итак, за два с небольшим дня мне удалось сплавиться 45 километров – не так уж и плохо! А от перевала это 70 км пути по реке.

Путь на озеро Лыбалах наметила от устья ручья Сулда-Теякит. Мне нужно было найти хорошее место для стоянки, чтобы можно было не беспокоиться, что его затопит. И вот – замечательная терраса коренного берега с высокоствольным лиственничником на берегу протоки. Ещё не на ручье, но уже в его широком распадке. Отсюда я пойду гулять в горы.

Отрывок из дневника. 22 августа. «Сижу на мху под лиственницей, как в мягком кресле, у очага, выложенном камнями. С великолепным обзором на речку. Галечники, далёкие горы. Вдали кричат кедровки, мерно шумит речка. Низкая поросль пожелтевшей ивы. Никаких кровососущих вокруг. Дымится костерок у ног моих прямо на обрыве, и нежный аромат ивы бодрит дух. Ветра почти нет, тепло. И кулик кричит: «Ти-ри-ри», а не «Мед-вед-ведь». После вяленого мяса барана и крепкого

чая с сахаром, хлеба с маслом медитирую и не хочется никуда идти. Здесь так хорошо!

Но всё собрано. Продукты для дальнейшего сплава висят на лиственнице в гермомешке, лодка, свёрнутая, лежит под деревом. Впереди меня ждёт приключение с неожиданными поворотами.

И я поднимаю себя за загравок и отправляюсь в путь.

4. ПУТЬ К ОЗЕРУ ЛЫБАЛАХ

Итак, я иду к труднодоступному, неизвестному для меня и поэтому загадочному, затерянному среди высоких гор Верхоянья, среди широких тундровых долин – озеру Лыбалах. Озеру, где водятся, ещё сохранились арктические гольцы. Крупного размера! Но не это обстоятельство – самое главное. Главное, что на моём пути вниз по реке есть цель, к которой можно идти пешком сквозь тайгу, ущелья и горы. Иди почти налегке. А значит – любоваться природой.

Какая она, сибирская тайга? Здесь, в устье реки Сулды-Теякит – это разреженный лиственничный лес. С ковром лишайников, брусники, с отдельными кустиками кедрового стланика, пышного, будто специально посаженного и ухоженного. Не тайга – а просто как будто какой-то парк! Ни буреломов, ни зарослей. Но такая тайга есть только здесь, в низине, на пологом старом конусе выноса ручья, широким шлейфом раскинувшимся на пару километров перед впадением в Соболах-Маян.

Путь на озеро Лыбалах от реки Соболах-Маян я наметила по ручью Сулда – Теякит. И его притоку – ручью Улахан-Дектенде.

Дальше на подступах к склонам гор начались увалы, холмы, кочкарник в низинах – всё в мягких, пружинящих под ногами породах кустарничков багульника, голубики,

мхов и кустистых лишайников. С переплечением карликовой берёзки. Тропа медведя – не обычная, натоптанная лента, а утрамбованная пятнами по отдельности, след за следом, заметно косолапым, вьётся среди редколесья вдоль заболоченности. Именно в таких местах, со всех сторон закрытых деревьями, больше всего опасаться встречи с хозяином. Иду не спеша, прислушиваясь, останавливаясь, давая зверю время учуять меня и заранее уйти. И всё-таки лес светлый, радостный!

И вот уже показались сопки, я вышла из низины, впереди светлеет приречное пространство. Река Сулда встречает меня скалами по берегам. Приходится, поднимаясь вверх, переходить вброд от одного скального прижима к другому. Когда выбирала этот путь прохода к озеру Лыбалах, то даже не подозревала, что скалы встретят меня уже здесь, на подходах к ущелью притока Сулды, ручья Улахан-Дектенде. На карте в низовьях этого притока один из его берегов слегка испещрён чёрточками обрывов. Что же будет тогда там, в этом притоке? Удастся ли пройти?

Вечереет. Вышла я не рано, после обеда, и ночевать, похоже, придётся в ущелье. А ведь ещё надеялась, что дойду до перевального озера. Чего там, каких-то километров 12–15! (Даже самонадеянно не промерила путь заранее, а на самом деле до озера было – все восемнадцать километров.)

Шестой брод через Сулду на подходах к притоку отрезвляет меня. Броды надо выискивать, сходу пройдёшь не везде. И это сейчас, в низкую воду! Невольно думается, что же будет, если вдруг начнётся непогода и поднимется вода. Камни скользкие, некоторые броды прохожу на пределе. То есть совсем. На одном из них болотники залила и выходила на свой берег с гирями на ногах.

Солнца нет. Узкая долина притока мрачна. Зачем я вошла в это ущелье на исходе

дня? Но – деваться некуда – не поворачивать же назад! Кажется, что мест для стоянки больше уже не будет, на входе была последняя более-менее широкая терраска с частоколом лиственниц, жёлтым ковром хвои и тропой у обрыва – конечно же, здесь ходил медведь, думается мне. И вот теперь – каменное ложе ручья, глыбы на берегах и сразу – отвесы или крутые склоны. А ведь помимо просто ровного участка на земле, надо ещё учитывать будущее место стоянки на предмет безопасности от возможно сыплющихся сверху камней.

Но вот, будто островок среди каменного хаоса – кусочек чудом сохранившегося, пологого, не смытого лиственничного леса. Багульник чуть не по пояс мягким пружинящим ковром. Сначала я просто упала в него, как в уютное кресло и просто дышала. Смотрела на деревья, кроны, небо в коридоре скал и радовалась жизни. Смущал только несмолкаемый рёв воды. И слишком уж терпкий, будоражащий аромат багульника. Но выбирать не приходилось. Дай бог, чтоб меня здесь не навестил хозяин, в этой узкой части, где ничего не слышно.

Спалось тревожно, и как-то неудобно на слишком мягком ложе, которое прогнулось подо мною, как гамак, не давая распрямиться спине. Под утро совсем рядом прогремели камушки – то ли наведалься баран, то ли – медведь, а может, камни просто ссыпались со склона...

23 августа. Дошла до притока в моём ущелье. Вот он! Ну, теперь пойдёт легче!

Казалось, что в предыдущий день прошла по ручью прилично, однако до этого заметного ориентира, до которого всего 7 км от устья, я шла от стоянки три часа. Ничего себе скорость!

Бродов – не счесть. Камни большие или огромные, могут неожиданно покачнуться под ногой. Ручей всё время петляет. Может быть, истинное расстояние тут удваивается?

Камни скользкие. Выверяю каждый шаг. Здесь, в ущелье, особенно задумываешься о том, как трудно будет выбраться отсюда, если что, не дай бог, случится с ногой. Рёв усиливает чувство опасности. С каждым шагом во мне растёт убеждение, что обратно этим же путём мне возвращаться очень не хочется. Лучше сделаю крюк, но вернусь обратно вдоль реки Мячен и затем по берегу моей сплавной речки – Соболах-Маяну.

Хоть скалы, надо заметить, в ущелье Улахан-Дектенде очень живописны, меня не покидает чувство тревоги. Скалы не кончаются, и временами кажется, что они сомкнутся и прохода не будет.

Так и есть... Водопад! Отвесный. Ловлю себя на мысли, что эта красивая падающая струя воды не особо радует мой взор. В другой ситуации – восхищалась бы, а тут... До него уже пришлось залезать почти по пояс в ледяную чашу в сужившейся до нескольких метров щели каньона, чтобы заглянуть за скальный выступ, пройти дальше.

И вот я в каменном мешке. Неужели – назад?

Чуть отступив от водопада, заметила склон, на который, как мне показалось, можно залезть. Туда, похоже, даже вели следы копытных. Полезла и я, заставляя себя не спешить и трезво оценивать опасность. Понимая, что один неверный шаг может стать гранью, привести к непоправимому последствию. Страшно, не могу сделать шаг вверх с рюкзаком за спиной. Снимаю и затапливаю его перед собой на ступеньку. Да, с лодкой и дополнительным снаряжением здесь уже не прошла бы. Скалы какие-то крошачиеся. Вроде – вот-вот ещё, чуть-чуть и впереди спасительные кусты ольхи и более пологий склон.

И вдруг ко мне отчётливо приходит мысль, что никакие гольцы и никакие встречи с людьми не стоят неоправданно-го риска.

Аккуратно слезаю вниз. Снова заливаю болотники на пути отступления по ручью. И вот виден лесной склон, по которому можно попробовать выбраться наверх. Что там будет? Издали, ещё снизу временами было видно, что выше леса торчали неприступные скалы. Карбакаюсь, изредка на четвереньках, хватаясь за кусты и стволы. Как же глубоко внизу теперь лента ручья. Скоро ли выположится там, наверху? И выположится ли? Куда я лезу? Дебри, поваленные стволы, бурелом. И вдруг – тропа, идущая траверсом! Грамотная звериная тропа. Иду по ней и я, выхожу на милую положую ягельную полочку, и вот уже рев водопада слышен ниже. Неужели, обошла!

До противоположного берега – рукой подать, а подо мной провал, где за перегибом глухо ревет падун. Не рискуя свалиться с обрыва, вывожу вперёд лишь палку с привязанной к ней камерой.

Тропа после водопада не шла вдоль каньона, а вскоре снова спускалась вниз на каменистое ложе у впадения распадка. Ну, дальше – пустышки, казалось мне. Теперь я знаю, что смогу обойти любой водопад! Сегодня уже точно заночую за перевальным озером!

Но ущелье снова – то сужалось, то расширялось, петляло и не кончалось. И когда, как мне уже показалось, я подошла к месту, где лежал пологий (судя по карте) перевал, скалы совсем зажали ущелье, и путь мне преградила стена с очередным водопадом. На этот раз вокруг совсем не было деревьев, только скалы и осыпи. Я даже не стала подходить к водопаду, лишь обозрела его в бинокль. Пять метров отвеса – минимум – не буду искушать судьбу.

Слева – крутой кулуар. Неслежавшиеся глыбы-обломки, остробокие, зловеще лежат в беспорядке. Кажется, могут поползти, только тронь. Крутизна – на пределе. Неужели – карты врут? Судя по горизонталям, здесь должен быть перепад высоты всего 40 метров. И простой перевал. А на

деле – до верха очень далеко, да и дальше – не пологий перегиб.

Сделала пару попыток вылезти наверх без рюкзака, но каждый раз возвращалась, дойдя до грани, когда страх – нормальное чувство самосохранения – не даёт сделать ещё один шаг вперёд. В одном месте кусок скалы оторвался и загрохотал вниз. Я села на карниз и посмотрела на ручей. Там, далеко внизу, среди камней, еле заметно выделялась точка моего рюкзака. Нельзя сказать, что меня охватил ужас, хотя на ум почему-то пришёл образ отца Фёдора, с колбасой в зубах. Я поняла, что мне очень неуютно здесь, вообще, в этом ущелье в целом, что от постоянного переполняющего меня чувства опасности я не ощущаю радости.

Всё! Теперь точно назад. Третьего предупреждения ждать не буду. (Первое было, ещё когда поскользнулась на камне в ручье и, упав, сильно ударила ногу).

Как это грустно. Мало того что снова идти по этому мрачному страшному ущелью, так ещё и не достигнуть цели...

Вернулась с километр до бокового сухого ручья и почему-то зашла в него – как будто меня завели в него. Здесь не было рёва. Я вдруг почувствовала страшную усталость. А ведь и правда, незаметно я набрала по высоте уже метров 600. Незаметно, а всё-таки всё время шла вверх. И это постоянное чувство тревоги выматывало меня. До сумерек было ещё около двух часов, но я поняла, что дальше сегодня не пойду. Нашлась ровная полочка в ольховых кустах – аккуратно пятачок под мою палатку.

Небо светлело. И как только разбила лагерь и попила чайку, – силы вернулись ко мне. И вдруг солнышко осветило склоны, а небо полностью очистилось от дымки. Этот насыщенный голубой цвет небосклона я не видела уже очень давно! Природа как будто подбадривала меня. Я вскочила и, не дожидаясь, когда сварится рис, полезла на заросший ольхой склон – дальше здесь

по гребню вылезался хороший путь подъёма наверх из ручья в горную тундру.

До полной темноты я успела вылезти на лишайниковые и каменные просторы горной тундры, обозреть сверху долину моего ручья, ущелье, склоны гор. Наверху я даже увидела впереди далёкое перевальное озеро. Оно лежало теперь даже ниже меня. Разве далёкое? Напрямую рукой подать – километра полтора... Но есть ли проход? Я всё лезла и лезла на каждый очередной перегиб склона, чтобы точно понять – пройду я там завтра или нет. Но сгущающиеся сумерки сохранили интригу до следующего дня. Надо было возвращаться. И всё-таки, удачно спустившись своим путём обратно к лагерю, я засыпала с надеждой. Пройду!

Можно долго описывать, как лазала я с рюкзаком по склонам, как оставляла его и бегала на разведку то к одному, то к другому месту спуска в каньон. Теперь я поняла, что ошиблась с распадками и находилась чуть дальше от перевала, чем думала. Меня и перевал разделяло ущелье притока основного ручья – глубоченное. Узкое, с каскадом водопадов внизу.

Его никак нельзя было перейти, просто спуститься в него. Обойти? Это надо обойти все ручьи-притоки в верховьях. Такая мысль тоже возникала, но настолько далеко ручьевые шупальца распадки врезались в крутые склоны, что обход, казалось, можно осуществить, лишь взобравшись на гребни окрестных гор и обойти траверсом все окрестные вершины.

На одном из гребней возвышалась вершина с тригопунктом. Да-а... Были же геройские люди! – подумалось мне. На гребне местами высились каменные отвесы – бастионы жандармов, неразрушенных до конца скал. Путь казался непростым.

Я уже снова думала, что надо возвращаться назад, но решила сделать ещё одну попытку пересечь каньон в верховьях. И вот, в кулуаре – вполне безопасный спуск!

Сначала он показался мне страшным, но камни прочно сидели на осыпном склоне. Не особо ползти под ногами. В общем, потихоньку, помаленьку – я спустилась! А подъём на противоположный склон был уже проще. А путь траверсом по нему я просмотрела в бинокль ещё на подходах.

Душа пела. Я прошла!

Сам перевал был совсем не сложен – широкий водораздельный участок, тундра. Как в ознаменование моего перехода сзади, в ущелье, небо затянуло чернилами, и полил дождь. Но меня здесь он не накрыл.

Дальнейший спуск был настолько живописен, что мне даже не хотелось, чтобы он кончался. Я поймала себя на мысли, что совсем не хочу спешить. Я любовалась красками лесотундры, ждала лучей солнца, которое временами прорезалось из-под облаков, радовалась, что нахожусь в этом месте в самое подходящее время. Это была фантастическая выставка красочных полотен, я будто гуляла по картинной галерее.

Место ночёвки я выбрала не у ручья, а на возвышении, среди обзорных видов. И пусть за водой надо было спускаться далеко. Какая ерунда... Место силы! Вот что было главным во всей этой истории.

И половину следующего дня я снова не спешила, а любовалась окрестностями. А потом, спустившись ниже, вышла на конную тропу и почувствовала, что люди близко.

Тропа то терялась на каменных участках пути, то разветвлялась в прибрежных заболоченностях, но в основном читалась хорошо, и вскоре я приблизилась к озеру Мерети – синей-синей водной глади.

Озеро было пустынным. Наверное, я что-то не так поняла, когда мне в посёлке Гаврил Гаврилович рассказывал о здешних жителях. И озеро Дяйбалах поначалу тоже казалось мне безжизненным. Но только я наметила разбить лагерь на притоке, чтобы одновременно и порыбачить,

как почуяла запах дыма и услышала лай собак.

Навстречу мне вышел человек в накомарнике. Это был живущий здесь охотник Фёдор.

Очень открытый, общительный, Фёдор пригласил меня в свою небольшую избушку и за чаем рассказал о себе и сразу спел мне песню собственного сочинения. А потом повёл в гости к соседям – за три километра.

– У меня тут ничего нет, а у них – отдохнёшь!

5. ТАЁЖНЫЕ РОБИНЗОНЫ

Это невероятная история. В труднодоступном и, в общем-то, безлюдном районе Якутии, в сердце Верхоянских гор, я встретила удивительных людей. Василий и Ирина живут здесь постоянно, душа в душу, вот уже 27 лет.

Василий родился в здешних краях, в посёлке Джаргалах. Мама его якутка, отец – эвен. Так получилось, что в два года после травмы мальчик стал глухонемым. Его воспитывала строгая бабушка-оленоводка. И, конечно же, тайга – олени, кочёвки, нарты, мороз. Суровый труд, суровая жизнь на природе. Тайга, тундра, горы.

И только когда Васе исполнилось 11 лет, как-то спохватились, что мальчик ещё не ходил в школу. Так Вася из тайги снова попал в посёлок. Каково же ему было там страшно и непривычно! Но постепенно он освоил и премудрости русского языка, и более-менее выучился и поехал дальше на учёбу в техникум в Санкт-Петербург.

Тут-то они и встретились с Ириной, которая случайно в тот момент гостила там у сестры. Она так же, как и Василий, – человек с ограниченными возможностями по слуху и речи. Молодые люди нашли друг друга. Скоро будет 31-я годовщина их свадьбы.

Ирина родом из-под Тулы. Но не побоялась поехать за любимыми в далёкую якутскую тайгу. Сначала три года они жили в посёлке, но потом переехали в более привычную для Василия обстановку – в тайгу.

Всё здесь построено их руками. Сначала они жили в небольшой избушке прямо на берегу озера, но там их жильё так сильно продувалось зимой, что через некоторое время решили переселиться чуть поглубже в лес, чтобы было теплее.

Ирина обучала Василия языку глухонемых, делилась всеми своими культурными и научными знаниями. А Василий научил свою супругу премудростям таёжного быта. Так Ирина – простая девушка из среднерусской полосы, стала опытной кочевой жительницей Заполярья.

Раньше у Ирины и Василия было своё стадо, хоть и небольшое, но требовавшее усилий для содержания. Ирина с улыбкой рассказывает, что даже она знала всех оленей в лицо. А Вася путал.

Теперь они отказались от оленей, с возрастом стало труднее ухаживать за ними. Вася с Ириной уже на пенсии, на севере её получают раньше. Охота, рыбалка, запас самых необходимых продуктов без излишеств – обеспечивают их вполне безбедное существование здесь, на природе.

Когда они были помоложе – несколько раз совершали длинные и длительные по времени переходы – вдвоём кочевали на оленях, на нартах в гости к Васиной маме в Тикси. Это больше 1000 километров без дорог, по заснеженной тайге и тундре. Сколько приключений было на пути! Вот они – настоящие путешественники.

Теперь, когда оленей нет, Ирина с Васей стали более свободными, не так сильно привязанными к хозяйству, и могут поехать в гости к родственникам Ирины в центральную Россию.

Сейчас у Василия с Ириной – бураны. И лошади. Лошади здесь на вольном выпасе, им не надо заготавливать корма. Ло-

шадей не подковывают, нет надобности, и вообще – на здешних суровых морозах от подковы они могут отморозить себе копыта.

Раз в два года Василий с Ириной делают запас продовольствия. Это целое дело! Покупают и везут продукты из Якутска – там намного дешевле, чем в маленьких якутских посёлках, куда продукты в магазины доставляют авиацией. Снаряжают небольшой караван из буранов, везут 800 литров топлива, несколько мешков муки, сахара, сливочное масло в коробках. Крупы, соль, чай, подсолнечное масло.

У Васи с Ириной есть обычные телефоны-смартфоны, можно посмотреть на их фотографии. Но связь с внешним миром у них – только лошади да бураны. До посёлка 160 километров по долинам и горам, через перевалы. На лошади – неделю кочевать. Но есть тут и ближайший сосед – охотник Фёдор, эвен. Он тоже постоянно живёт тут, в тайге. У него есть рация. Правда, в тот момент, когда я гостила там, она сломалась.

Ещё в здешних местах кочует оленевод Туян. У него есть спутниковый телефон. Но где он, и когда – ищи ветра в поле!

Вот так спокойно и живут на природе Ирина с Васей здоровой жизнью предков.

По следам мы определили, что Туян недавно прокочевал в сторону озера Лыбалах. И Фёдор предложил мне поехать на озеро Лыбалах на лошадях. Я же хотела поймать там большого гольца, а в здешних озёрах, как сказал Фёдор, большой голец уже редкость.

Ещё и позвонить заодно можно будет, ведь уже три недели прошло, как я не давала весточки родным и близким.

Фёдор – это тоже удивительный человек! Родители его – эвены, но в 4 года он лишился их и попал в детдом. Хорошо выучил русский язык. Окончил Верхневилуйское речное училище, работал в речном флоте механиком, потом пожарным, у него 77

работал с парашютом на горящую тайгу. Работал и оленеводом, здесь он знает все окрестности, кочевал тут раньше со стадом. Маленький, шуплый, его часто обижали в детстве, в детдоме. Но он пошёл в секцию и стал отличным боксёром. Сначала, когда Фёдор вернулся в тайгу, якутский язык почти забыл, местные дали ему кличку Русский Федя. Но теперь-то он вспомнил язык, легко общается на якутском с местными оленеводами и охотниками. А на эвенском языке в здешних краях уже не говорят, забыли.

Фёдор – творческая личность, он и конструктор, и поэт, и певец!

Как же трудно мне было уговорить его не стесняться сниматься на камеру. Как жалко, что песню, спетую мне от души сразу при встрече, записать не удалось. Фёдор мечтает, чтобы его стихи-песни были исполнены каким-нибудь настоящим певцом, под аккомпанемент настоящего музыканта. Он уверен, что в Москве, конечно же, есть такие. И он передал мне эти стихи, написанные аккуратным почерком, бережно упакованные для нелёгкой транспортировки по тайге, и по реке на сплаве. Если кто-то может исполнить мечту Фёдора – сделайте это. На одну из его песен – Ысыах – уже нашёлся музыкант-исполнитель, и сделал аранжировку.

Мы съездили на лошадях к озеру Лыбалах через удивительной красоты перевал. Пока ждали Туяна, я пробовала ловить гольца, но не поймала ничего! В «наших» озёрах Василий уже наловил кучу рыбы, так что гольцами и хариусами мы были обеспечены. Зато жена Туяна – Октябриня угостила нас свежей медвежатиной. Пять лет она практически постоянно кочует со своим мужем по тайге и лишь изредка зимой выбирается в посёлок. Туян дал мне позвонить со своего спутникового телефона.

Возвращались обратно на Дяйбалах уже в сумерках.

Три дня гостила я у этих удивительных людей – Ирины, Василия и Фёдора. Меня отговорили от возвращения назад по реке Мячен – там, без лодки, пройти тяжело – много прижимов, бродов. Лучше возвращаться тем же путём, что я и пришла сюда.

Фёдор вызвался проводить меня обратно на лошадях до перевала. Конечно же, я согласилась. Фёдор захватил с собой ружьё, решил поохотиться на баранов – мяса здесь, у него и у Василия с Ириной, уже давно не было.

– А летом я их и не стреляю, у меня тут ледника нет. А сейчас уже прохладно.

Мы оставили патрон для духов на примеченном Фёдором месте и поехали привычным путём, по тропе в сторону перевала на Улахан-Дектенде. И ещё не кончилась набитая тропа, хоженные оленьим стадом места, как на реке со стороны скал неистово залаяли Федины собаки. Мы поняли, что они обнаружили дичь.

– Ого! – удивился Фёдор, – в этих местах никогда баранов не было!

Мы привязали коней за кустарник, Фёдор быстро расчехлил свою мелкашку, и, пригибаясь за ветвями и стараясь не шуметь, мы побежали к открытому галечнику. Впереди на тёмной скале, как на ладони, стоял, выделяясь светлой окраской шерсти, молодой баран. Рога его ещё не были согнуты в кольцо. Собаки, забравшись на кручу, хорошо держали его, облаивая, не давая уйти вверх.

Фёдор стрелял раз, другой, мазал, а баран и не думал убегать. Расстояние было небольшим, метров 70. Мне казалось, что он будто заколдованный. Похоже, он не понимал, кто мы такие, и не пытался как-то скрыться, не проявлял страха, только чуть-чуть перескочил на соседний уступчик. Мне было и жалко барана, и в то же время хотелось, чтоб у здешних обитателей озёр появилось мясо. И вот, выстреле на пятом, баран вдруг рухнул, как подкошенный, вниз. Когда мы подошли к нему, он уже

был лёжка, а собаки теребили ему шерсть на мёртках.

– Прямо в сердце, молодец, Фёдор!

– А ты удачливая, – улыбался он в ответ. – Это тебе Байанай барана подарил! Сколько хожу, никогда здесь не встречал баранов.

Мы быстро освеживали тушу, завалили мясо камнями и отправились дальше. Я удивилась, что можно вот так спокойно оставлять мясо на земле.

– Медведь здесь не ходит – уверенно заявил Фёдор

Скоро тропа кончилась, кочевой след ушёл в другой распадок. Кони не хотели идти по каменистым участкам в незнакомой им местности, временами мы спешили и вели их в поводу. Мой смиренный и послушный рысак по кличке Кофе начал вдруг бить копытом. Неужели, хочет сбросить?

– Это он говорит – хватит уже идти, пора покушать! – засмеялся Фёдор.

Уже в сумерках мы дошли до границы растительности и разбили лагерь. Фёдор не был здесь уже 20 лет! Последняя ночь в обществе человека, разговоры, каша из одного котелка. Я была очень удивлена экипировке Фёдора. У него была с собой маленькая туристская каркасная палаточка и хиленькое небольшое одеяло, которое он взял из избушки на тропе по пути сюда. Краюшка хлеба – вся еда на два дня (кто ж знал про мясо!). У него не были какой-нибудь дополнительной тёплой одежды, кроме той куртки и свитера, что была на нём. От пуховой жилетки, предложенной мной на ночь, он отказался. Настоящий житель тайги, Дерсу Узала, – подумалось мне...

Фёдор встал на рассвете раньше меня, нашёл и заседлал коней, развёл костёр. После завтрака мы тепло простились и зашагали каждый своей дорогой. Маленький человек с большим сердцем, непосредственным, открытым и отзывчивым,

скрывался за переплетением приречного кустарника. В душе защемило...

Красота окрестностей привела меня в обычное восторженно-созерцательное состояние. Прошло меньше недели, как я была здесь, и хоть цвет растительности заметно поменялся, тундра побурела, пейзажи были великолепны. Этой ночью было облачно, а утром стало ясно, вчерашняя облачная дымка снова ушла куда-то за дальние перевалы. Можно было попробовать успеть перевалить и дойти до моего базового лагеря на реке. Но я решила, что в такой ясный день, находясь здесь, в сердце гор, невозможно не подняться на вершину.

Что я и сделала, взобравшись по гребню на обзорную точку здешних окрестностей высотой 1836 метров.

Идти обратно вниз по хребтам не решилась, уж очень отвесными и круто осыпными виделись гребни впереди. И я спустилась в моё ущелье, вернее, в его приток, чтобы идти к Соболах-Маяну знакомым путём. Несколько водопадов, что преградили мне путь в верховьях ущелья, были легкопроходимыми, и я без приключений добралась до моей старой стояночки на боковом притоке Улахан-Дектенде. И ночевала здесь с чувством полного умиротворения, будто я вернулась домой. А на следующий день прошла всё жуткое ущелье, немного полазала, облезая нижний водопад, но в целом спуск прошёл без эксцессов. Солнечное освещение, движение вниз, сытость, известность пути – всё это сделало возвращение в базовый лагерь вполне лёгкой прогулкой.

6. ПРОДОЛЖЕНИЕ СПЛАВА

Итак, я продолжаю сплав по реке Соболах-Маян от места, где в неё впадает левый приток Сулда-Теякит. Это примерно 70 километров от самых истоков, от пере-

Хребта с восточных склонов Верхоянского хребта, с реки Тара-Сала. Впереди до посёлка Кыстагьям, что стоит почти на берегу Лены, ещё 330 км сплава.

1 сентября. Погода продолжает баловать меня. Тепло. Солнечно, безветренно, даже досаждают мошка, будто лето на дворе. Но осень чувствуется вовсю, все ивы по берегам жёлтые, день заметно сократился. Только лиственницы здесь, на высоте 400 метров над уровнем моря, ещё стоят зелёные.

Впереди у меня 330 километров сплава. В общем-то немного. Если проходить больше 30 км в день, то за 10 дней управлюсь. Правда, меня смущают низовья: там, судя по карте, практически не будет падения. «Будет, всё будет, – вспоминаю слова Фёдора, – и дождь, и ветер, и снег». Ничего, попробую в начале проходить по 50 километров в день, а дальше – посмотрим.

Думаю, что теперь нечего особенно расслабляться. Решаю выходить в 9 утра, а вставать на стоянку не позже шести вечера, в крайнем случае – в половине седьмого, так как в 7 уже начинает смеркаться. Ах, эти благие намерения... Как правило, это только мечты, исполнимые лишь в идеале, а на практике получается совсем по-другому.

С первыми сборами, со съёмками процесса отчаливания, на воду вышла лишь в 9:50. Ничего, ничего! Река теперь стала полноводной, мелей не будет. Однако вскоре снова пришлось вылезать из лодки посреди реки – снова пошли разбои русла, на которых было мелко.

Но в основном, конечно, плыву. Красота! Течение! До крупного притока слева, Мячена, всего 20 км, дойду до обеда!

Однако планы не сбываются. Течение не везде достаточно быстрое, какое желаешь на горной речке. А ещё меня почему-то подкашивает чувство голода. Странно... Утром доела большую порцию каши, да не пустой, с мясом – а мало!

Желание поесть не покидает меня, отвлекает от гребли. И как назло, на участке, где на карте обозначена наледь, речка совсем замедлила бег, начались тиши, разбои русла. А сама наледь, видно, уже растаяла в это жаркое лето. Унылое место. По берегам лежат коряги, берега как будто песчаные, но песок тёмный, какой-то болотистый, торфяной. Чувствую себя здесь, как на огромном блюде – большое плоское пространство, где извилисто петляют протоки реки. Казалось, что речка сейчас растворится, кончится, уйдёт в пески на меляках среди коряг, и я попаду в тупик, завязну в топких отмелях.

Задул холодный встречный ветер. Постепенно он разгулялся настолько, что поднял стоячую волну на участке медленного течения. Я почти не продвигалась вперёд, и это угнетало. Надо же, и это здесь, в верхнем течении, где река ещё вовсе не вышла из гор!

Когда силы пробиваться вперёд совсем иссякли, присмотрела бережок для обеда, не дойдя до намеченного ориентира. Удивительно – ноги заплетаются. Тяжело выполнять обычные действия – достать из лодки вещи, наломать дров, развести костёр. Всё делается как-то замедленно. Откуда такая усталость в начале сплава?!

Но вот – чаёк в ивовом редколесье, где не дует, где гальку и наносы песка покрывает сухая трава и можно развалиться где хочешь, не рискуя вывалиться в песке. Костёр разводится мгновенно – всё сухое и всё рядом. Лежишь и достаёшь сухие веточки, не вставая. А аромат ив, ванильный, как он бодрит! Пара баранок, остатки солёной рыбы, – я снова полна сил, и встречный ветер мне уже как будто ничоём.

Устье Мячена не признала сразу, речка здесь была узкой, и мне показалось, что я нахожусь в одной из протоков, и слева подходят струи других рукавов моей реки. Но нет – распахнулась долина притока,

а справа подступили скалы. Голубизна воды, глубина – всё это говорило о том, что я в основном, сузившемся русле Соболах-Маяна на устье Мячена, стекающего от высокогорных озёр. Я прямо почувяла здесь рыбу! Здесь она точно должна быть!

Тихонечко причаливаю в самом начале галечникового выноса, стараюсь затаскивать на косу лодку особо не шурша, и даже слегка пригибаюсь, чтобы рыба не заметила меня. Пробую ловить с берега, забрасывая блесну-вертушку в небольшие струи-притоки (Мячен впадает в Соболах-Маян несколькими руслами).

Всё тщётно. Пробросав всю дельту, возвращаюсь к лодке. Отчаливаю и делаю заброс назад, против течения, в голубую глубину на быстрине, стремительно вращая катушку, чтобы блесна не садилась на дно и успевала играть на течении.

На первый же заброс хватает что-то крупное! Голец? Как же затащить рыбу в лодку? Подсачика же у меня нет. По рывкам чувствую, что она тяжеленная. Подтягиваю рыбину, временами спуская леску и давая ей немного уйти. А рыбина плещется, высккивает из воды, стремительными рывками уходит от меня снова и снова. Заводит леску под лодку, разворачивает меня. А течение сносит меня всё ниже, к концу омута. Сердце бьётся – не знаю, чему больше волнуюсь – как бы не повредила лодку крючком или как бы не ушла! Огромная морда рыбины показывается из воды. Вижу, что блесна зацепилась за губу. Неужели – не крепко? Неужели – сорвётся?! Но мне она очень нужна, не ослабляю натяг и постепенно подвожу её всё ближе. И вот она уже совсем рядом. Даже не помню, как мне удалось перебросить её в лодку, удалось ли схватить под жабру. Но вот, она уже на дне, зажимаю её между ног, чтобы не трепыхалась, не выскочила. Да, открытая надувная лодочка – не каюк. Поддеку рыбу не запихаешь, если как следует

дёрнется – может и выскочить обратно через борт.

Кое-как выгребая одной рукой, придерживая другой рукой спиннинг, и мне удаётся благополучно зачалиться. Всё! Добыча есть! Ленок – ну уж очень большой! Позже узнала, что местные называют эту разновидность ленка – «лимба».

Запаса точно хватит на пару дней. Решаю больше не ловить здесь, чтобы растянуть удовольствие рыбалки на следующие дни, половить позже в другом месте.

Эх! Знала б я тогда, что будет впереди...

А в тот тихий, ещё по-летнему тёплый вечер, я наблюдала закат, вершины гор. Мерно струилась река под обрывом, высокоствольные лиственницы баюкали меня, и даже тропа медведя вдоль берега во все не портила идиллию. Хороший обзор, разреженный лес, отсутствие зарослей позволит хозяину легко обойти моё место стороной.

Рыбу чистила уже в сумерках и всё никак не могла содрать её плотную чешую. Даже вооружилась пилой – ножовкой – и всё равно не смогла полностью очистить всю шкуру. Но, пропарив-прожарив на сковороде кусочки, поняла, что чешуя легко жуётся, и можно вполне употреблять эту рыбу с чешуёй.

В этот первый день моего сплава мне запомнился один порожек, который я прошла с ходу, хотя мне стало немного страшно при его виде. Но большие камни в русле, с пенными струями за ними – легко обошла, почти не залив воды в лодку.

За этот день – семь ходовых часов, мне удалось пройти всего около 28 километров.

2 сентября в середине дня погода резко изменилась. Ещё с утра было солнышко, и хотя оно пробилось из-за облаков не сразу, да и затем небо, будто вуалью, было подёрнуто дымкой – в природе царило безмятежное тепло, и стрекотали кузнечики. Стояло безветрие. Я неспеша

жарила рыбу и наслаждалась пейзажами. И никак нельзя было представить, что это последние мгновения бабьего лета.

В какой-то момент солнце целиком осветило мой мир с величественными горными склонами, с разноцветными осыпями, полосками раскрашенных осенью лиственниц, карабкающихся ввысь по откосам почти до вершин. На медленно струящейся ленте реки стоял штиль, такой, что неколышимая веслом гладь воды отражала горы незыблемыми, зеркально, точь-в-точь как наяву. Не хотелось уплыть из этой сказки.

Я расслабленно обедала на лиственничном откосе, оставив лодку на галечниковом берегу, как вдруг с низу реки загрохотало. Тёмная, просто чернильная полоса накрыла горизонт впереди. Туча росла на глазах. И резко задуло.

Пришёл большой ветер. Гладь воды сначала зарыбила, а потом в мановение ока превратилась в бушующий океан волн с барашками пены. Косой дождь накрыл видимость. Всё посерело. Стало жутко, тревожно и неудобно. Я едва успела вытянуть лодку повыше, перевернуть и завалить камнями, чтоб её не унёс шквал. Ливень тушил костёр, я укрылась за толстым стволом лиственницы и спешно укутывала себя и вещи в гидроснаряжение. Холодало. Вскоре все стволы с наветренной стороны, намокая, потемнели, берег стал выглядеть совсем по-другому, контрастным, серьёзным, помрачневшим.

Всё. Курорт кончился. Резко, без плавных переходов. Как по мановению волшебной палочки.

3 сентября. С утра я долго не могла проснуться окончательно. Было очень холодно. Холодно-промозгло. «Туман», – подумала я, залезая под утро во второй спальник.

Вчера после обеда, не дождавись окончания дождя, я всё-таки покинула насиженное место берега – для ночной стоянки оно было не очень подходящее. Шла

под дождём навстречу непогоде, чтобы скорее пройти этот облачный фронт. Считала промежутки между вспышками молнии и громом – гроза удалялась. Долго искала место потеплее, но по берегам либо тянулись неподходящие галечники с чахлыми ивами, либо, как назло, лес был редкий, за прибрежной полосой начинались прогалы открытых марей – болотистых пространств. И задувал ветер. Либо не было красивых видов.

Под конец ориентироваться на виды перестала. Вылезла на высокий берег с полосой лиственниц, выискивая место поровнее среди мшистых, поросших багульником бугров. Нашла пяточок ягельника – более плотного и сухого грунта, где и наметила место для палатки. Берег местами был изрыт, явно здесь копал корешки хозяин. Долго не могла развести костёр – дождь успел основательно промочить валежник, даже нижние сухие ветки лиственниц были промочены. На них каплями висела вода. Первый раз за путешествие я поставила костровой тент и разводила костёр под ним, нарезая щепочки из найденного полутрухлявого сухого пня.

Непогода крутила, ветер менялся, заходя то со ската тента, поставленного отражательной стенкой, прижимая его к моей спине, то вдруг заходил с фронта, задувая костёр и пуская едкий дым в лицо. В такой напряжённой обстановке, вертясь и приплясывая, уже в темноте я упрямо жарила рыбу. Когда ещё мне удастся полакомиться моим любимым блюдом – свежей жареной рыбкой. Пока не кончилось масло, позволяю себе подобный гастрономический изыск.

Поздно легла. Поздно встаю. Всё равно туман, видимости нет, горы в облаках. Вчера я жалела, что место пришлось выбирать без особых видов – а сегодня уже не жалко, ведь горы всё равно не видны.

Но почему так холодно? Непривычно мокрые кусты голубики и багульника под

ногами. Всё, осень... Отправляюсь за дровами от реки на край болотистой поляны, и вижу, как сквозь разрывы в облачности вдали проглядывает белизна склона. Горы в снегу! Вот это да!

Из гор я ушла вовремя, но всё равно радости от ухудшения погоды нет никакой.

Выхожу на сплав. Морозный воздух, синеватая контрастная картинка на небе. Ветер леденит руки и хочется надеть перчатки, но я забыла вытащить их повыше. Но скоро накатываются низкие серые тучки. Моросит дождь, какое-то время плыву в серости, но облака развеиваются, полоса их проходит в сторону, и снова ненадолго наступает череда хорошей погоды. Однако, гидрокуртку надеваю. Морось волнами переходит в кратковременные ливни. Туманные пейзажи компенсируют невзгоды непогоды. На устье Куолланды вылезая и дожидаясь смены декораций на небе, чтобы пофотографировать неземной красоты пейзажи.

С высоких гор Верхоянского хребта
Начинает свой разбег река. –

Эта песня звучит в душе, прорывается наружу и согревает меня на нескончаемой гребле. Немного охватывает чувство волнения – так много ещё сплава впереди, так мало я прошла в верховьях, где должна бы проходить побольше. А дальше – пойдут плёсы. А ветер ещё не задул со всей силы... И я гребу в этот день без обеда, просто гребу как автомат, не особо различая красоты за обшлагом капюшона гидрокуртки, которым укрываюсь от ветра и дождя. Лишь оглядываюсь назад иногда – на величественный, заснеженный теперь, Верхоянский хребет.

Тучи то проходят, то уходят, клубятся над горами. Теперь я точно расстаюсь с идеей сходить в радиальный выход на вершину 1558, с которой открывается обзорный вид на 25 км вдаль – так написано на карте.

Место моей стоянки – отличный лес на левом берегу реки. Густой, высокоствольный, с подлеском из кедрового стланика. Тёплый. Настоящая тайга! Здесь уже появились ёлки, костёр у меня выходит жаркий.

4 сентября. Прохожу метеостанцию Собопол. С воды она не видна. Прохожу это место в пелене дождя. Здесь река выходит из гор, появляются широкие разливы. По всему пространству гуляет холодный ветер. Мокро и неудобно. Метеостанция остаётся для меня лишь меткой на карте.

Зато в этот день я замечаю на берегу недавнюю стоянку охотников. Что меня поражает больше всего, так это то, что на свежесрубленном лабазе лежит разделанная туша лося. Неужели – звери побоятся сюда забраться? То, что людей здесь поблизости нет, – это ясно – кострище старое, хотя и видны следы недавней деятельности людей. Но никаких признаков обитаемости жилища в настоящий момент – нет. Для отпугивания зверья над мясом повешена штормовка. Явно, что люди уплыли на лодке вниз, а за мясом вернуться в следующий раз – думаю я, и мне становится как-то спокойнее на душе – в этих безлюдных местах всё-таки есть люди. Я не одна.

Залезаю на лабаз. Здесь ещё стоит целое ведро солёной рыбы. Значит, всё-таки она здесь ловится. Решаю отрезать от лося небольшой кусок мяса. Ведь если бы охотники были здесь, наверняка они сами угостили бы меня, заключаю я сделку с совестью. От полутора килограммов не будет.

Моросит дождь, делаю несколько забросов на глубоком плёсе у стоянки, потом, сплавившись до притока, ловлю на его устье, но всё тщетно. То ли погода не та, то ли места обловленные. Продолжаю путь.

За местом, где на карте обозначена метеостанция, река совсем почти выходит из гор. Отдельные сопочки, подёрнутые облачностью, ещё видны вдали от реки – но это уже просто маленькие холмики,

ничто в сравнении с величественными горами, что остались позади. Река здесь ещё делится на протоки, имеет течение, но уже походит на обычную равнинную реку. Иногда не совсем ясно, в какую протоку податься, земляные берега подмыты, лиственницы сползают в воду. На поворотах встречаются завалы. Но сейчас, пока нет паводка, опасности эти редкие заломы не представляют.

Но вот река входит в одно русло, начинает выписывать огромные петли. Всё. Она как будто остановилась – еле-еле струится вперёд. Наметила место стоянки как раз после окончания разбоев и теперь расстраиваюсь – мест, как назло, нет. Выпуклый низкий берег весь сплошь зарос частоколом ивняка. Длинная большая отмель топкая, на ней местами торчат коряги. А противоположный берег – песчаный обрыв, на котором полосочкой стоят чахлые лиственнички, а дальше – то ли старая гарь, то ли болото – совсем без леса. Всё-таки нахожу место с участком более крупных деревьев на высоком откосе правого берега – благо, моя лодка лёгкая, и затащить её на десятиметровый откос – не такая уж и проблема.

5 сентября. Утром туман. И страшный холод. С моего откоса открывается великолепный вид на реку. Она кажется небольшой, её ширь осознаёшь, лишь когда начинаешь плыть по ней. А ведь её ширина здесь – как ширина Москвы-реки в городе.

Но вот из-за дымки пробивается солнце, небо становится ясно-голубым. Радость неопишная! Неужели, непогоде конец!

Река выписывает петли. Ветер то помогает мне, то страшно тормозит. Течение небольшое. В этот день я прохожу отметку 200 км от верховьев Соболах-Маяна. Половина реки. Это значит, что позади, с начала моей второй части сплава (от 70-го километра, если считать с верховьев) – я прошла всего 130 км.

Ветер, течение медленное. Лишь изредка встречаются перекаты с более выраженным течением. Грести тяжело, монотонно. Берега не балуют разнообразием. Под вечер лишь задумала встать на стоянку. Как обычно пропали подходящие места, начались гари. Унылые пейзажи выгоревшей тайги. Похоже, это пожар прошлого года, сейчас горельники затянулись иван-чаем. Бурелом наваленных недогоревших стволов. А по другой стороне реки идут сплошные массивы болот. Наконец, замечаю небольшой островок выжившего леса на левом повороте реки. Это тополёвник. Под несколькими мощными деревьями сохранилась и поросль ив. Замечательный оазис! Как здесь здорово пахнет ивами, да и дрова лиственных пород – отлично горят, не стреляют – мечта путешественника!

Наблюдаю ясный закат сквозь ветви. Но ночью спать было не холодно.

6 сентября. Утро начиналось многообещающе – туман, казалось, вот-вот рассеется и выйдет солнышко. Не стала дожидаться этого момента и вышла достаточно рано. Однако, солнышко всё никак не хотело появляться. На реке начались места с красивыми крутыми многометровыми откосами по берегам. Вроде и течения прибавилось. После обеда начала накрапывать морось и постепенно она перешла в сильный дождь. Хорошее место для стоянки я увидела, по-моему, на петле, где река течёт чуть ли не в обратном направлении. Но вставать было ещё рано. Проплыть ещё чуток, решила я. И подходящие стоянки, как назло, совсем пропали. Сейчас, вот сейчас река начнёт поворачивать. На изгибе точно что-нибудь найду.

Да, берега здесь были негостеприимные. В поисках места я выходила на берег раз пять. Потом выходить перестала. Потому что уже с воды понимала, что там будет за место – кочки чуть не по колено, частокол, отсутствие видов. На прямых участках

русло так везде и было, и даже на изгибах что-то не находилось мест. Повсюду густые заросли ольшаника. Дождь и ветер усилились, на воде находиться стало совсем неуютно. Всё! – решила я, окоченев, встану вон на том повороте! В результате мне пришлось от того поворота пройти ещё километров пять.

Над рекой вихрями носились клубы мороси. В пелене дождя всё посерело, неумолимо накатывались сумерки, с капюшона куртки давно уже капало, вода просочилась и под куртку, меня согревала лишь гребля, но и силы были на исходе. Я посмотрела на себя со стороны – маленький островочек тепла среди огромного безучастного мокрого пространства. Интересно, я так и буду плыть, как автомат, даже когда стемнеет...

Но вот – начало крутого изгиба русла. Если не найду место здесь... Вздыхаю и выхожу на продуваемый, неуютный с виду берег в поисках места. Каждая попытка найти место, каждая высадка на берег во время ливня – это потеря тепла. Что ж, можно расчистить участочек среди частокола лиственниц. Мало дров. Но как-нибудь... Я прохожу для согрева дальше и вижу небольшой ровный участок! Здесь, между старой протокой на изгибе, намыло хорошую отмель. Рядом – полянка под лиственницами и много кустов ивы. Ива – это лёгкие дрова! Их легко добывать, они не стреляют. Я спасена!

Уже в сумерках растягиваю костровой тент, и вскоре жаркое пламя согревает меня. В этот день у меня вышел рекорд километража за день – 42 км.

На следующий день непогода не утихает, так же крутит ветер, полосами идёт дождь. Переношу костровой тент поглубже в лес. Не то что ловить рыбу, мне не хочется даже лишний раз ходить за водой на реку, вдоль русла которой, как в аэродинамической трубе – гуляет непогода.

Делаю запас воды в гермомешке и закрепляю его у дерева на стоянке.

Мясо лося и оладушки весь день питают мой отодавший организм.

Меня одолевают сомнения, как я доберусь до конца сплава... Мой аппетит несоизмерим с оставшимся запасом продовольствия. А холод, дождь и отсутствие течения в низовьях как-то не очень способствуют посту.

На следующий день повторяется сценарий предыдущего дня сплава. Утром – небольшое затишье в непогоде и надежда на улучшение. А к вечеру – снова ветер, дождь, отсутствие стоянок. Запомнился прямой участок русла реки без течения, где я в буквальном смысле прорывалась против дождя и ветра до поворота. И меня поддерживали лишь песни Щербакова: «Зачем, зачем, владыка, мне столько воды-то».

И снова меня спасает южная петля реки. И снова на следующий день я устраиваю днёвку по непогоде.

9 сентября. Вечер. Лежу у костра и медитирую. Никак не могла заставить себя писать дневник. А мысленно так хочется. Но сил просто ни на что нет.

Погода какая-то переменчивая. Крутит, крутит циклон. Днём вышло солнышко. Вообще-то небо расчистилось и, казалось, наступила, наконец, великолепная осень. А тут к вечеру опять закапало. И небо всё затянуло после захода. Но не так уж всё безнадежно. Сейчас, по крайней мере, не капает. Сильного ветра нет, но иногда его крутит. А ведь как днём стало тепло! Я сдувала раздувшуюся лодку аж два раза. Появилась мошка и припекало.

Морось, шедшая всю ночь, закончилась лишь под утро, всё вокруг было мокро и промозгло. С деревьев капало. Сил не было, хотя спала до девяти, и было даже жарко. Ночью скинула с себя и куртку, и носки – все теплые вещи, что натянула на себя вечером.

После завтрака, а это была каша «Пять злаков» в маленьком котелке и три доль-

ки шоколада (начата последняя плитка), мне стало как-то голодно. А ведь вечером съела много мяса и четыре полные горсти риса! И вообще – на обед вчера съела все оладьи – остаток от горы, что напекла на предыдущей днёвке. Где же восстановление организма?!

А плечо болит-побаливает. Всё-таки, наверное, бывает гребля у меня тяжёлая – против ветра. И спина болит, вечером не могу заснуть сразу, ложусь на живот, потягиваюсь, выгибаю позвоночник, распрямляю.

В общем, утром мне было как-то не по себе – мяса мало. Еда кончается, есть хочется.

И вдруг меня пронзила мысль. А почему бы не половить?

С нескончаемой непогодой, неудобными местами я как-то совсем забросила попытки поймать рыбу. Мне казалось, что хорошие места были только в верхнем течении. А здесь, наверное, рыбы почти и нет.

Но подо мной, на изгибе реки, журчал перекатик. Надо пробовать.

– Это моя добыча! – как Шерхан кричала я, когда вытаскивала крупного ленка, взятого на 30–40-й заброс. Я уже решила менять приманку или место, но упрямо кидала и кидала блесну под струю. И он взял! Воистину, природа не оставляет меня без еды. Вообще – не оставляет. Даёт всё, когда действительно нужно.

Теперь я поняла – это камни сыплются с крутого противоположного берега. Постепенно подмывает обрыв. Оттаивает мерзлота. А ночью мне, конечно же, мерещились медведи. Но так, не особо напрягая нервы, сладко, сквозь сон. Однако утром я примерила сучки на моей листовнице, от которой растянут и тент, и палатка – на предмет залезть в случае чего.

Как же меня срубило в сон после первой же порции жареной рыбы! Лишь к вечеру пошла на рыбалку повторно. Чтобы сделать запас на будущее. Но на сытый

желудок рыба больше не ловилась. Значит – мне хватит уже пойманных утром двух. А когда они закончатся – мне дастся что-нибудь ещё.

10 сентября во второй половине дня солнышко появилось из-за облачности. И я решила сходить к вышке тригопункта. Что виднелась над рекой. 128 метров над уровнем моря – что это по сравнению с полуторами тысяч, с которых я спустилась. Однако для здешнего моря тайги – это была действительно обзорная точка. Удивительно, что тригопункт сохранился. Крепкий, надёжный – я не побоялась залезть по его деревянным ступенькам на обзорную площадку. Интересно, когда его строили? Работы топографов велись в 30–40–50-е годы. Неужели, стоит с тех времён...

После прогулки догребла, как и наметила, до устья Агдая. Кто знал, что это будет моя последняя одиночная стоянка на реке...

11 сентября. С утра – снова дождь. Но он проходит. И в этот день я плыву на удивление быстро – на реке частенько снова есть течение. И вот, как только я уже наметила вскоре вставать на обед, как откуда-то сбоку-сзади послышался шум. Странно! Моторку если и ожидала, то только снизу.

Меня нагоняет лодка. Надувная, с мотором. Двое местных ребят удивляются:

– А мы думали – лось через реку плывёт. Рога качаются.

Тут же ребята предлагают мне пойти дальше с ними. Ведь впереди – совсем не будет течения. Как всё неожиданно... Вот так резко закончить маршрут. Но я соглашаюсь. Это разумно, и прямая гребля без течения порядком утомила меня, а пообщаться с местными жителями – всегда приятно.

Так закончился мой одиночный маршрут.

Ребята оказались местными проводниками туристов, вскоре нас догнала другая

лодка с пятью охотниками-рыбаками. Все они родом из здешних мест, теперь работают и живут в разных городах, но каждый год неумолимо возвращаются на родину. Хоть на пару недель, чтобы провести отпуск в тайге.

Вскоре у нас сломался мотор. Вторая лодка спешила – у мужиков были авиабилеты. Мы остались втроем в надежде починить мотор. Но он не чинился, и дальше мы сплавлялись своим ходом до следующей вышки, у которой, как надеялись ребята, можно будет поймать связь. Так и вышло. Мы связались по спутниковому телефону с посёлком Кыстатыам, и друзья ребят на следующий день обещали привезти запасной мотор.

То, что низовья я прошла под мотором, не жалею: нижнее течение Соболах-Мая на действительно очень медленное. Большие петли реки, она здесь становится широченной, берега совсем неудобные. Так что можно сказать, что мне, как всегда, повезло.

И да, это были как раз те охотники, чей лось лежал на лабазе, а теперь ехал с нами

грузом на лодке. Ребята даже не заметили, что от лося немного ubyло мяса.

В Кыстатыаме, на причал которого мы приехали, я даже не успела побывать. Вскоре должен был прийти теплоход «Механик Кулибин», и меня тут же пересадили на моторку местных жителей, которые шли к этому теплоходу.

Прямо с корабля на бал. Успела поесть уху из местного свежего омуля и посмотреть на местные каменные образования в обрывах берега. Не Ленские столбы, так – Ленские камни.

Спасибо бабушке Шемяковой Анне Егоровне. Она и её сын всю дорогу на теплоходе потчевали меня рыбой, лепёшками. Анна Егоровна родом из посёлка Кыстатыам, теперь зиму проводит в городе у детей. А летом обязательно приезжает к себе в посёлок. Она вспоминала геологов, которых часто видела в детстве. Я послала бабушке книги на указанный ей адрес, но посылка пришла мне обратно...

Всего сплава своим ходом от устья Сулды-Теякит у меня вышло около 260 км за 9 с половиной ходовых дней.